

УДК 82

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ТЕКСТ А.С. ПУШКИНА

© **Авченко Василий Олегович (2019)**, orcid.org/0000-0001-5697-7580,
SPIN-код: 2297-4559, писатель, независимый исследователь (Владивосток, Россия), avchenko@yandex.ru

В центре внимания автора – интерес А. С. Пушкина к Дальнему Востоку и к проблеме его освоения русскими первопроходцами, выразившийся в нескольких набросках на соответствующие темы. Целью статьи является выявление причин обращения поэта к «камчатским» сюжетам и прояснение возможных творческих замыслов, связанных с разработкой темы покорения дальнего Зауралья. Материалом исследования послужили малоизученные незавершенные наброски, сделанные А.С. Пушкиным в 1836-1837 гг. во время чтения труда участника Второй Камчатской экспедиции С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (1755 г.). Сопоставительный анализ трех известных фрагментов («О Камчатке», «Камчатские дела (от 1694 до 1740 года)», «Наброски начала статьи о Камчатке») показывает, что Пушкина интересовали не столько этнографические и естественнонаучные сведения о Камчатке, сколько история ее освоения казаками, непростые отношения между колонизаторами и коренным населением. Выбранные писателем сюжеты перекликаются с двумя магистральными для него темами русской истории – с петровскими реформами и с казацкой вольницей. Стилистическая неоднородность исследованных набросков дает основание полагать, что Пушкин намеревался написать о присоединении Камчатки к России как документальное, так и художественное произведение. Вероятно, столь пристальное внимание к Дальнему Востоку обусловлено не только интересом поэта к отечественной истории, но и некоторыми биографическими причинами, в том числе его неосуществившимся желанием посетить восточные земли. Автор делает вывод о влиянии А.С. Пушкина на следующие поколения литераторов, не раз обращавшихся к «дальневосточной теме», которая и в настоящее время является весьма востребованной.

Ключевые слова: Дальний Восток, Пушкин, Камчатка, Крашенинников, Атласов, покорение Сибири, «дальневосточный текст».

Знаменитую формулировку Аполлона Григорьева, назвавшего Пушкина «нашим всем», можно понимать и так: Пушкин – это матрица, содержащая коды всей предшествовавшей и наследующей ему отечественной литературы.

Если попытаться выделить из этой многослойной матрицы главные силовые линии, относящиеся к событиям национальной истории, то мы выйдем на три большие темы: петровские реформы, пу-

гачёвское восстание и освоение дальневосточных земель. Можно сказать, что это главные русские идеи вообще — идея государственности (вплоть до деспотии), идея свободы (вплоть до бунта) и идея территориального расширения (вплоть до Америки).

Но если отношение Пушкина к Петру I и Пугачёву отражено в целом ряде его поэтических, прозаических и исторических сочинений, то тема «Пушкин и Дальний Восток» остаётся малоисследованной — как по причине периферийности самого Дальнего Востока и на карте России, и в сознании столичных литературоведов, так и в силу того, что по-настоящему заняться дальневосточной проблематикой Пушкин не успел. Он лишь наметил это направление в нескольких незавершённых набросках, сделанных, видимо, в последние месяцы или даже недели жизни.

Как Первая Камчатская экспедиция В.И. Беринга, снаряженная в 1725 году, стала своего рода завещанием Петра I, так невольным литературным завещанием Пушкина стали его наброски о Камчатке. Не успев лично добраться до восточных пределов империи, Пушкин тем не менее чётко наметил восточную тропу нашей словесности, которую позже успешно торили и обновляли, дабы она не заросла, Гончаров, Чехов и другие разнокалиберные литераторы вплоть до наших современников.

К «дальневосточным» наброскам Пушкина, сделанным поэтом при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, относят три фрагмента: «О Камчатке» [Пушкин, т. 7, с. 248], «Камчатские дела (от 1694 до 1740 года)» [Пушкин, т. 7, с. 256] и, наконец, «Наброски начала статьи о Камчатке» [Пушкин, т. 7, с. 271]. На одной из этих рукописей Пушкин поставил дату — 20 января 1837 года. «Семь дней до дуэли, девять дней до смерти! ...Разгар трудов над четвёртым томом «Современника», твёрдое намерение писать новые главы для «Истории Пугачёва», на столе груды материалов по истории Петра; денежный долг давно перевалил за сто тысяч, ненависть и презрение к Геккерну, Дантесу отравляют мысли и сердце. некогда, совершенно нет времени... Но Пушкин сидит и упорно делает выписки из толстого фолианта», — писал в 1974 году историк, пушкинист Натан Эйдельман [Эйдельман, с. 59], констатируя неслучайность обращения Пушкина к данной теме.

Последний из «камчатских» отрывков был опубликован лишь в 1933 году, на чём изучение данных набросков, как пишет Эйдель-

ман, почти остановилось: специалисты не видели резона углубляться в конспект. Это ещё одна причина того, что об интересе Пушкина к Дальнему Востоку известно мало. Действительно, наброски, о которых идёт речь, по большей части — не оригинальные пушкинские тексты, а выписки из вышеназванного сочинения Степана Крашенинникова (1711–1755). Участник Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга и Алексея Чирикова, Крашенинников исследовал Сибирь и Дальний Восток России в 1733–1743 гг. Его труд «Описание земли Камчатки» [Крашенинников, 1994], вышедший в 1755 году, почти сразу стал международным бестселлером. Эта весьма объёмная книга, которую нередко называют первой русской академической монографией, — фактически первое сочинение о российском Дальнем Востоке, имевшее широкий успех.

Не только в крашенинниковские, но и в пушкинские времена у России ещё не было ни Приамурья, ни Приморья — эти территории вошли в состав империи лишь к середине XIX века. Российский Дальний Восток тогда следовало бы называть Дальним Севером: это была ось «Якутия — Охотоморье — Камчатка — Чукотка» — и дальше в Америку, через Аляску вплоть до северной Калифорнии, где в 1812 году была основана русская крепость Росс. «О Камчатской земле издавна были известия, однако по большей части такие, по которым одно то знать можно было, что сия земля есть в свете; а какое её положение, какое состояние, какие жители и прочая, о том ничего подлинного нигде не находилось», — так Крашенинников начинает свой труд. К зиме 1836–37 гг., когда этой темой вплотную занялся Пушкин, многое изменилось, но и тогда мало кто представлял себе отчётливо, что такое Камчатка. Этот уже достаточно давно присоединённый к России край ещё предстояло не только глубоко изучить и вполне освоить экономически и административно, но и осмыслить, прописать в пространстве русской культуры. Пушкин, к тому времени уже побывавший на кавказском, черноморском, бессарабском фронтах империи, в последние недели жизни занялся именно этим, попутно на много лет вперёд «пропиарив» книгу Крашенинникова.

Равно интересно и то, что Пушкин выписывал из труда Крашенинникова, обозначая свои читательские и потенциальные авторские приоритеты, и то, что он добавлял от себя. В огромном труде Крашенинникова — масса специальных сведений о географии, климате,

фауне, флоре, быте, языках и верованиях аборигенов, минералах и т.д. Пушкин выписывает топонимы, сведения об аборигенных народах, упоминает «бобров» – каланов (морская выдра), «огнедышащие горы» (вулканы), мифического ворона Кутха, медведей, лососей... Но куда больше, чем природа, этнография и прочая экзотика, Пушкина интересовало освоение Камчатки русскими казаками, отношения наших «пионеров» и наших «индейцев», местная экономика. Из первых, «естествоиспытательских» разделов крашенинниковского труда Пушкин выписал сравнительно немного, в основном сконцентрировавшись на последней, четвёртой части книги – «О покорении Камчатки, о бывших в разные времена бунтах и изменах и о нынешнем состоянии российских острогов». Это говорит, во-первых, о том, что Пушкин внимательно дочитал пространное сочинение Крашенинникова до конца, во-вторых, о том, что его интересовал в первую очередь именно процесс присоединения нового края к России, его колонизации и освоения, а не география или ботаника сами по себе.

Пушкина, в частности, занимал «Федот Кочевщик» – холмогорский уроженец Федот Алексеев Попов (?–1648), вместе с Семёном Дежнёвым прошедший из Северного Ледовитого океана в Тихий и открывший пролив между Азией и Америкой, позже названный именем Беринга. Попов, первым из русских посетивший Камчатку, был убит коряками при попытке их *объясчить* (по другой версии, умер от цинги); Александр Сергеевич величает его Федотом I, как монарха. Очень интересовала Пушкина фигура «завоевателя Камчатки» устюжанина Владимира Атласова (ок. 1661–1711), а также его последователей – тех, кто пришёл на Камчатку утверждать российскую власть.

Конфликты и даже настоящие сражения между казаками и аборигенами происходили тогда на Камчатке постоянно, о чём Крашенинников пишет весьма подробно и в красках. Вот происходит бунт камчадалов, которые сожгли острог и «побили» казаков. Тогда власть возвращает на Камчатку попавшего было в опалу Атласова и велит «обид никому не чинить и противу *иноземцев* строгости не употреблять, коли можно обойтись ласкою»; однако отряд из 70 казаков во главе с Иваном Таратиным, посланный Атласовым для наказания убийц ясачных сборщиков, был вынужден принять бой с воинством, состоящим из 800 камчадалов, и кровопролитие возобновилось. Вооружённое противостояние казаков и коренных обита-

телей Камчатки продолжалось достаточно долго, указывает Крашенинников: «Дикарей убито и потоплено столько, что Большая река запрудилась их трупами»; «Все казаки с женами и детьми были перерезаны»; «Все камчадалы погибли, не спаслись и те, которые сдались. Ожесточенные казаки всех перекололи»... Долгая, тяжёлая, кровавая история; беспощадная, но не бессмысленная.

Камчатские сюжеты, как нетрудно заметить, сливаются с двумя другими ключевыми в представлении Пушкина темами русской национальной истории — петровской эпохой и казацкой вольницей. Вот взбунтовались уже сами казаки, недовольные суровостью Атласова, и засадили его в *казёнку* (тюремь). В какой-то момент на Камчатке собралось сразу три представителя российской власти: бежавший из-под замка Владимир Атласов и вновь присланные от государя Чириков и Миронов. Последний сразу был «зарезан от казаков», Чирикову дали время покаяться, после чего «бросили скованного в пролуб»; Атласова казаки зарезали спящим. «Так погиб камчатский Ермак!» — говорит о конце Атласова Пушкин, самой этой параллелью с покорителем Сибири Ермаком Тимофеевичем (1532–1585) устанавливая для описываемых событий подобающий, по его представлению, исторический масштаб.

Считается, что на основе работы Крашенинникова Пушкин готовил для журнала «Современник» статью о покорении Камчатки. Вот её возможное начало, сохранившееся в бумагах поэта: «Завоевание Сибири постепенно совершалось. Уже все от Лены до Анадыри реки, впадающие в Ледовитое море, были открыты казаками, и дикие племена, живущие на их берегах или кочующие по тундрам северным, были уже покорены смелыми сподвижниками Ермака. Вызвались смельчаки, сквозь невероятные препятствия и опасности устремлявшиеся посреди враждебных диких племён, приводили их под высокую царскую руку, налагали на их ясак и бесстрашно селились между ними в своих жалких острожках...» [Пушкин, т. 7, с. 272].

Не исключено, что у Пушкина имелся замысел и художественного произведения (как обращение к восстанию Емельяна Пугачёва породило и документальную «Историю Пугачёвского бунта», и роман «Капитанская дочка»). Порой его выписки из труда Крашенинникова о деталях камчадальского быта и местном колорите перерастают в прозаические наброски: «Камчатка — страна печальная, го-

ристая, влажная. Ветры почти беспрестанные обвевают её. Снега не тают на высоких горах. Снега выпадают на 3 сажени глубины и лежат на ней почти 8 месяцев. Ветры и морозы убивают снега; весеннее солнце отражается на их гладкой поверхности и причиняет несносную боль глазам. Настаёт лето. Камчатка, от наводнения освобождённая, являет скоро великую силу растительности; но в начале августа уже показывается иней и начинаются морозы» [Пушкин, т. 7, с. 252].

Помимо равнодушия к отечественной истории, у Пушкина имелись причины и личного характера для того, чтобы интересоваться Дальним Востоком. Его дальний родственник Василий Никитич Пушкин в 1644 году был назначен воеводой в Якутск; к месту новой службы прибыл из-за логистических особенностей, свойственных эпохе и территории, лишь в 1646 году, после чего фактически пробыл в этой должности ещё около трёх лет.

Среди лицейских близких товарищей Пушкина был Фёдор Матюшкин, в 1820 году отправившийся на Ледовитое побережье исследовать *terra incognita* — местность от устья Индигирки в Якутии до Колючинской губы на Чукотке. Писатель, чукотский классик Юрий Рытхэу в книге «Дорожный лексикон» приводит историю, слышанную им от легендарного местного сказителя Нонно: «Дело происходило... на мысе Рыркайпий (Шмидта — В. А.)... Гостями местного, говоря нынешними словами, олигарха Армагиргина были русские путешественники — Фердинанд Врангель и Матюшкин» [Рытхэу, 2010, с. 346–347]. При свете жирников — светильников, в которых горел тюлений жир, — хозяева и гости давили вшей. Путешественники расспрашивали о «загадочном острове, якобы расположенном строго на север от Рыркайпия» [Рытхэу, 2010, с. 347]. Армагиргин сообщал гостям, что каждую весну к этому острову летят стаи белых гусей, а зимой переправляются песцовые стаи и целые стада диких оленей; более того, там даже «жили люди из племени анкалинов — морских людей» [там же]. Возможно, речь идёт об острове Врангеля, о котором к тому времени русским уже было известно от нескольких путешественников, хотя на картах этот остров утвердился лишь во второй половине XIX века. По другой версии, Армагиргин рассказывал Матюшкину о не существующем ныне острове, который мы знаем как «Землю Санникова» из одноимённого романа академика Владимира Обручева. Вероятно, именно к будущему адмиралу Матюшкину обращено пушкинское стихотво-

рение «Завидую тебе, питомец моря смелый...», в котором поэт предлагает оставить «берега Европы обветшалою».

Известно также, что Пушкин высоко оценил роман иркутского писателя Ивана Калашникова «Камчадалка».

Были у поэта планы и самому поехать на восток. Так, историк Алексей Волынец приводит сведения о том, как в 1829 году Министерство иностранных дел России решило отправить на Дальний Восток, в том числе в Китай, большую дипломатическую и научную экспедицию. Её глава – друг Пушкина, дипломат, востоковед, изобретатель телеграфа Павел Шиллинг, – уже внёс Александра Сергеевича в число членов экспедиции, но Николай I не разрешил поэту (уже написавшему стихи «Поедем, я готов...», в которых упомянул «стену далёкого Китая») ехать на восток [Волынец, 2016]. С Китаем не вышло; как знать – может, вышло бы с Камчаткой, если бы не Дантес?

Когда Пушкин отправился на последнюю дуэль, на его столе остались лежать книга Крашенинникова и «камчатские» наброски. Проживи он несколько дольше – и мы, вероятно, получили бы пушкинский шедевр, с которого бы могла начаться большая литература восточного русского фронта. Но вышло так, что Пушкин успел оставить нам лишь пролог, неоконченное предисловие, которое, впрочем, имело определённое влияние на творчество последующих литераторов, вольно или невольно равнявшихся на Пушкина. Ну а поскольку сам Пушкин, как мы видим, столь серьёзно интересовался Дальним Востоком, то и сегодняшним литераторам, живущим в эпоху декларируемого «поворота на Восток», отнюдь не следует пренебрегать этой огромной темой. Которая, отметим, в последние годы после длительного провала переживает очередной негромкий, но очевидный ренессанс, регулярно попадая в поле зрения столь различных современных российских авторов, как Леонид Юзефович, Виктор Ремизов, Эдуард Веркин, Андрей Геласимов, Александр Кузнецов-Тулянин, Андрей Рубанов, Михаил Тарковский, Алексей Коровашко и ряд других.

Источники

1. Крашенинников С.П. Описание Земли Камчатки. В 2 т. – Репринтное изд. – Санкт-Петербург: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камчат, 1994.

2. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. – Москва: Художественная литература, 1959–1962 гг.

Литература

1. Волынец А. Быль и не был // Интернет-издание ТАСС-Дальний Восток [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dv.land/territory/byl-i-ne-byt>
2. Рытхэу Ю.С. Дорожный лексикон. – Санкт-Петербург: Звезда, 2010. – 516 с.
3. Эйдельман Н.Я. «...Страна печальная, гористая, влажная» // «Вокруг света». – 1974. – № 6. – С. 58–61.

FAR EASTERN TEXT OF A.S. PUSHKIN

© Avchenko Vasily Olegovich (2019), orcid.org/0000-0001-5697-7580, SPIN-code: 2297-4559, writer (Vladivostok, Russia), avchenko@yandex.ru

In this work, the author focuses on A. S. Pushkin's interest to the Far East and to the problem of its development by Russian pioneers expressed in several works on respective topics. The purpose of the article is to identify the reasons why the poet keeps returning to the “Kamchatka” themes and to clarify possible creative ideas related to the development of the theme of the conquest of the far Trans-Urals. The study was based on the materials of little-studied unfinished sketches written by A.S. Pushkin in 1836-1837, written while he was reading the notes of the participant of the Second Kamchatka Expedition S.P. Krasheninnikov called “Description of the Land of Kamchatka” (1755). A comparative analysis of three well-known fragments (“About Kamchatka”, “Kamchatka Affairs (from 1694 to 1740)”, “Outline of the Beginning of an Article about Kamchatka”) shows that Pushkin was interested not so much in ethnographic and natural-science information about Kamchatka, as in the history of its development by the Cossacks, uneasy relationship between colonizers and indigenous people. The plots chosen by the writer have something in common with the two main themes of Russian history for him – the reforms of Peter the Great and the Cossack freemen. The stylistic heterogeneity of the sketches examined suggests that Pushkin intended to write both documentary and fictional works about the accession of Kamchatka to Russia. Probably, such close attention to the Far East is caused not only by the poet’s interest in national history but also by some biographical reasons, including his unfulfilled desire to visit the eastern lands. The author makes a conclusion about the influence of A.S. Pushkin for the next generation of writers who have repeatedly addressed the “Far Eastern theme”, which continues to remain in great demand to this day.

Keywords: Far East, Pushkin, Kamchatka, Krasheninnikov, Atlasov, conquest of Siberia, “Far Eastern text”.

Sources

1. *Krasheninnikov S.P.* Opisanie Zemli Kamchatki. V 2 t. – Reprintnoe izd. – Sankt-Peterburg: Nauka; Petropavlovsk-Kamchatskij: Kamshat, 1994. (In Russ.)
2. *Pushkin A.S.* Sobranie sochinenij v 10 t. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1959–1962 gg. (In Russ.)

References

1. *Volynec A.* Byl' i ne byl // Internet-izdanie TASS-Dal'nij Vostok. – Available at: <https://dv.land/territory/byl-i-ne-byt>. (In Russ.)
2. *Rytheu Yu.S.* Dorozhnyj leksikon. – Sankt-Peterburg: Zvezda, 2010. (In Russ.) – 516 s.
3. *Ejdel'man N.Ya.* «...Strana pechal'naya, goristaya, vlazhnaya» // «Vokrug sveta». – 1974. – №6. – S. 58–61. (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.01.2019